

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2026.16.25.011

**Искусство как инструмент сохранения
субъектности осужденных в условиях пенитенциарной
системы: систематизация зарубежного опыта**

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
Член Союза журналистов России (Московское региональное отделение);
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
e-mail: novikov.pra vo @ mail.ru

Ноздрина Наталья Александровна

Доктор педагогических наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин,
Брянский государственный технический университет,
241035, Российская Федерация, Брянск, бульвар 50 лет Октября, 7;
e-mail: nozdrina.natalye @ mail.ru

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70 @ mail.ru

Аннотация

В статье обосновывается концепция искусства как фундаментального инструмента сохранения человечности и субъектности в условиях среды учреждений пенитенциарного типа. Исходной предпосылкой выступает статистическая закономерность, согласно которой подавляющее большинство лиц, проходящих через систему исполнения наказаний, возвращаются в общество, что делает вопрос о качественных характеристиках их реинтеграции критически значимым. На основе анализа институционального, социального и личностного уровней воздействия художественных практик демонстрируется их способность формировать особое семиотическое пространство, где индивид восстанавливает ощущение собственной субъектности, развивает эмпатию и рефлексивность, а также приобретает устойчивые навыки саморегуляции. Показано, что интеграция искусства в повседневную жизнь учреждений способствует снижению

напряженности, оптимизации административных ресурсов и снижению вероятности рецидивного поведения. Отдельное внимание уделяется этической корректности присутствия художника, а также проведена параллель с образовательной сферой, где искусство выступает превентивной мерой, предотвращающей отчуждение личности от общества. Делается вывод о том, что искусство в местах лишения свободы представляет собой стратегию, трансформирующую систему наказания из института воспроизводства рецидивной преступности в институт ресоциализации.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В., Ноздрина Н.А., Слабкая Д.Н. Искусство как инструмент сохранения субъектности осужденных в условиях пенитенциарной системы: систематизация зарубежного опыта // Культура и цивилизация. 2026. Том 16. № 2А. С. 96-103. DOI: 10.34670/AR.2026.16.25.011

Ключевые слова

Ресоциализация, пенитенциарная система, искусство в местах лишения свободы, субъектность, социальная реинтеграция, профилактика рецидива, гуманизация, творческие практики, институциональная среда.

Введение

Согласно современным исследованиям, обоснование эффективности художественных практик в пенитенциарных учреждениях базируется на их способности формировать особое семиотическое пространство — «оазис» — внутри системы, чья природа объективно характеризуется иерархичностью и контролем. В данном контексте творческая мастерская трансформируется в уникальную локацию, где происходит временная приостановка действия институциональных механизмов деперсонализации. В этом пространстве индивид перестает быть носителем формализованных признаков и восстанавливает утраченное ощущение собственной субъектности [Gussak, 2006]. Участники подобных программ отмечают переживание момента, в котором идентификация себя уступает место более фундаментальному самоощущению собственной человеческой природы.

Основное содержание

Данный феномен представляет собой онтологический сдвиг в самовосприятии, что делает искусство не факультативным дополнением режима, а критически значимым элементом сохранения личности.

Анализ результативности подобных программ позволяет выделить три взаимосвязанных уровня воздействия: институциональный, социальный и личностный, каждый из которых вносит специфический вклад в общую архитектуру ресоциализации [Cox, Gelsthorpe, 2016; Frigon, 2016; Gussak, 2007; Littman, Sliva, 2020; Tett et al., 2012].

На институциональном уровне интеграция художественных практик в повседневную жизнь учреждения ведет к значимой трансформации операциональной обстановки. Погружение в творческую деятельность формирует у лиц, содержащихся под стражей, устойчивую мотивацию к сохранению привилегии участия в таких проектах. Данная мотивация выступает в роли мощного дисциплинарного механизма, действующего более эффективно, нежели сугубо

запретительные меры: стремление не утратить право на занятия искусством становится значимым фактором, препятствующим совершению нарушений установленного порядка. Кроме того, наличие подобных программ позволяет оптимизировать распределение административных ресурсов учреждения. Снижение напряженности и количества чрезвычайных инцидентов ведет к сокращению издержек, связанных с дополнительной загрузкой персонала. Таким образом, искусство в системе исполнения наказаний выполняет прагматическую функцию стабилизации, способствуя созданию более предсказуемой и управляемой среды, что является необходимым условием для реализации любых воспитательных и исправительных задач [Djurichkovic, 2011; Gussak, 2006; Johnson, 2008; Piotrowski, Florek, 2015].

На социальном уровне, который обретает первостепенное значение для общества в целом, искусство выступает фактором, существенно снижающим вероятность рецидива противоправного поведения. Участие в творческих программах способствует формированию у готовящегося к освобождению индивида так называемого «внутреннего ресурса». Под этим ресурсом понимается устойчивый навык саморегуляции, а также способность к организации осмысленного и структурированного досуга. Выход за пределы учреждения сопряжен для бывшего осужденного с множеством стрессовых факторов, включая социальную стигматизацию, бытовую неустроенность и необходимость выстраивания заново социальных связей. Навыки, приобретенные в процессе творческой деятельности — концентрация, терпение, доведение работы до завершения, самовыражение в социально приемлемых формах — становятся инструментами совладания с этими вызовами. Эмпирические наблюдения фиксируют существенную дифференциацию в траекториях постепенной адаптации между теми, кто имел доступ к систематическим художественным практикам, и теми, кто был этого доступа лишен. В первом случае вероятность возвращения к деструктивным моделям поведения объективно ниже, что позволяет рассматривать искусство не как меру «смягчения», но как долгосрочную инвестицию в общественную безопасность.

На личностном уровне, который является глубинным основанием двух предыдущих, речь идет о фундаментальной трансформации субъекта. Творческий акт — будь то создание нарративного текста, визуального образа или музыкального произведения — по своей когнитивной сути требует развития и активации механизмов эмпатии и рефлексии. Создатель неизбежно оказывается в ситуации необходимости учета точки зрения потенциального зрителя или читателя, прогнозирования последствий своих художественных решений и структурирования внутреннего хаоса через придание ему формы. Этот процесс является практической основой для формирования подлинного раскаяния, которое в рассматриваемом контексте понимается не как формальная вербальная ретроспекция сожаления о содеянном, но как выработка принципиально нового способа взаимодействия с миром. Для значительной части лиц, чье деструктивное поведение имеет глубокие корни в состояниях депрессии, эмоциональной отчужденности и зависимостях различных типов, творчество становится способом преодоления ограничений собственного актуального состояния. Оно предоставляет канал для сублимации, преобразования деструктивных импульсов в созидательную деятельность, что имеет неоспоримый терапевтический эффект, однако не сводится к нему, являясь процессом личностного строительства.

Важным аспектом анализа является специфика понимания культурной среды в учреждениях пенитенциарного типа. Эффективная педагогическая и художественная работа невозможна, если внешний специалист занимает позицию «цивилизатора», несущего культуру в среду, которая ошибочно воспринимается как *человек лишенный* собственных культурных кодов.

Напротив, продуктивная стратегия предполагает включение художника в уже существующий культурный контекст, который в местах изоляции от общества имеет глубокие исторические корни и специфические формы бытования. Вопреки распространенному мифу о враждебности данной среды художественному самовыражению, эмпирические наблюдения свидетельствуют о высокой степени вовлеченности лиц, находящихся в изоляции, в творческие практики. Значительная часть из них уже на спонтанной основе занимается литературным творчеством, в частности, стихосложением.

Поэзия в этой среде выполняет не только функцию самовыражения, но и ряд утилитарных задач. В условиях, когда физический контакт с близкими ограничен, а привычные для свободного социума формы выражения чувств затруднены или невозможны, стихотворное слово становится инструментом поддержания и оформления эмоциональных связей. Более того, в данной среде спонтанно формируются сложные социальные практики, свидетельствующие о высокой потребности в языке и форме. Примером такой практики является возникновение неформального «рынка» поэтических услуг, где одни участники сообщества, обладающие развитыми навыками вербализации, помогают другим оформлять мысли, чувства и послания в адрес внешнего мира. Этот феномен демонстрирует, что искусство в подобных условиях не является чем-то искусственно привнесенным и чуждым, но отвечает глубинным экзистенциальным запросам индивидов, находящихся в ситуации принудительной изоляции.

Отдельного рассмотрения заслуживает обратное влияние данной деятельности на самого художника или педагога, вовлеченного в работу в пенитенциарной системе. Взаимодействие с лицами, находящимися в местах лишения свободы, существенно переосмысляет аксиологию художественного ремесла. В условиях «свободного» общества профессиональное мастерство зачастую оказывается ориентировано на рыночную конъюнктуру, статусные соревнования или воспринимается как самодостаточная ценность, замкнутая в кругу профессионалов. В среде изоляции создание стихотворения, музыкальной композиции или визуального образа обретает статус экзистенциально значимого события, где ценность результата определяется не его коммерческим успехом, а его способностью стать инструментом восстановления человеческой связи и личностной целостности. Работа в таких условиях выстраивается не столько по модели клинической арт-терапии, сколько в парадигме отношений «мастер — ученик». Авторитет художника в данной системе зиждется на его профессиональной компетенции, которая получает признание и в «большом мире». Это признание вызывает уважение со стороны подопечных, для которых профессиональное мастерство, подтвержденное внешними социальными институтами, является убедительным доказательством ценности предлагаемого знания.

Лица, находящиеся в изоляции, как правило, стремятся именно к такому аполитичному пространству, где возможно временное дистанцирование от тягот режима и возвращение к базовым человеческим практикам творчества и коммуникации. Вовлечение их в конфликты или навязывание внешних идеологических конструкций не только противоречит этике гуманитарной помощи, но и объективно лишает их той ценной возможности, которую они стремятся сохранить. Таким образом, присутствие художника в системе принуждения есть акт не политический, но антропологический, направленный на поддержание жизнеспособности субъекта в экстремальных условиях.

В финальной части рассуждения целесообразно выйти за пределы собственно пенитенциарной системы, проведя важную параллель со сферой общего образования. Анализ жизненных траекторий значительной части лиц, оказывающихся в местах лишения свободы, показывает, что они прошли через опыт раннего системного отчуждения в образовательных учреждениях. Характерной чертой этого опыта является маргинализация творческих

дисциплин, которые в структуре школьного образования традиционно сокращаются в первую очередь при дефиците ресурсов или рассматриваются как факультативные, второстепенные по сравнению с дисциплинами «основного цикла». Именно в школе, где индивид впервые сталкивается с институциональным давлением, формируется тот разрыв между личностью и обществом, который в дальнейшем может привести к радикальному отторжению социальных норм.

Искусство таким образом, обретает более широкое измерение: оно видится не просто как инструмент коррекции уже совершенного деликта, но и как значимая превентивная мера. Его последовательное присутствие в образовательной системе, обеспечение равного доступа к творческим практикам для всех детей, независимо от их социального происхождения и поведенческих особенностей, способно предотвратить процесс отчуждения, который в конечном итоге заканчивается трагическим разрывом социальных связей. В этом контексте искусство выступает как универсальный язык, способный быть услышанным теми, кто оказывается дезориентирован в пространстве формальных требований и запретов. Оно предлагает альтернативный способ утверждения собственной значимости — не через разрушение или противопоставление, а через созидание и коммуникацию.

Заключение

Подводя итог, следует заключить, что искусство в местах лишения свободы предстает не как акт гуманитарной «поблажки» или проявление избыточного либерализма, но как последовательная и прагматичная стратегия, направленная одновременно на повышение уровня безопасности внутри учреждений и на снижение долгосрочных социальных рисков для общества в целом. Сохранение человечности в данном контексте перестает быть абстрактным гуманистическим лозунгом, трансформируясь в конкретное операциональное условие эффективности пенитенциарной системы. Система, которая находит в себе ресурс для поддержания субъектности, достоинства и творческого потенциала лиц, в ней находящихся, перестает функционировать как «фабрика» по производству рецидивной преступности. Напротив, она обретает потенциал института ресоциализации, где период изоляции может быть использован не для углубления криминальной идентичности, а для восстановления способности индивида к осмысленной, созидательной и законопослушной жизни. Интеграция художественных практик в структуру режима выступает в этом смысле не дополнительной опцией, но необходимым элементом гуманизации системы, обеспечивающим ее соответствие долгосрочным интересам безопасности и стабильности общества.

Библиография

1. Елагина А.С., Новиков А.В. Стратегии профилактики суицидального поведения в пенитенциарной системе // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 9А. С. 92-98. DOI: 10.34670/AR.2025.95.93.011
2. Елагина А.С., Слабкая Д.Н. Влияние образа жизни на рецидивизм преступности у женщин // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 12А. С. 168-177. DOI:10.34670/AR.2026.93.58.013
3. Елагина А.С., Слабкая Д.Н. Влияние последствий психологических травм на криминальное поведение женщин, освобождающихся из мест лишения свободы // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 11А. С. 209-216. DOI: 10.34670/AR.2025.58.58.022
4. Елагина А.С., Слабкая Д.Н. Профилактика суицидального поведения в пенитенциарной системе: интеграция мировой практики и современные парадигмы // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 11А. С. 217-224. DOI: 10.34670/AR.2025.86.70.023

5. Елагина А.С., Слабкая Д.Н. Систематизация психологических предикторов рецидива преступности у женщин // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 12А. С. 159-167. DOI:10.34670/AR.2026.66.63.012
6. Елагина А.С., Слабкая Д.Н. Системные противоречия оказания психологической помощи в пенитенциарной системе: трансформация подходов в международном контексте // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 9А. С. 107-115. DOI: 10.34670/AR.2025.21.62.014
7. Елагина А.С., Слабкая Д.Н. Суицид в местах лишения свободы, как системный вызов: факторы риска и направления профилактики в пенитенциарных учреждениях Южной Америки // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 10А. С. 185-193. DOI: 10.34670/AR.2025.73.10.020
8. Brewster L. The impact of prison arts programs on inmate attitudes and behavior: A quantitative evaluation. – 2014.
9. Cox A., Gelsthorpe L. Creative encounters: whatever happened to the arts in prisons? //The arts of imprisonment. – Routledge, 2016. – С. 271-290.
10. Djurichkovic A. Art in prisons: A literature review of the philosophies and impacts of visual art programs for correctional populations. – 2011.
11. Frigon S. When prison blossoms into art: dance in prison as an embodied critical, creative and performative criminology //The Poetics of Crime. – Routledge, 2016. – С. 237-262.
12. Gussak D. Effects of art therapy with prison inmates: A follow-up study //The arts in psychotherapy. – 2006. – Т. 33. – №. 3. – С. 188-198
13. Gussak D. The effectiveness of art therapy in reducing depression in prison populations //International Journal of Offender therapy and comparative Criminology. – 2007. – Т. 51. – №. 4. – С. 444-460.
14. Johnson L. M. A Place for Art in Prison: Art as A Tool for Rehabilitation and Management //Southwest Journal of Criminal Justice. – 2008. – Т. 5. – №. 2.
15. Littman D. M., Sliva S.M. Prison Arts Program Outcomes //Journal of Correctional Education (1974-). – 2020. – Т. 71. – №. 3. – С. 54-82.
16. Piotrowski P., Florek S. Science of art in prison //Resilience and Health in a Fast-changing World. – 2015. – С. 93-106.
17. Tett L. et al. Learning, rehabilitation and the arts in prisons: a Scottish case study //Studies in the Education of Adults. – 2012. – Т. 44. – №. 2. – С. 171-185.

Art as a Tool for Preserving the Subjectivity of Convicts in the Penitentiary System: Systematization of Foreign Experience

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Member of the Russian Union of Journalists (Moscow regional branch);
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law and Law Enforcement, Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Natal'ya A. Nozdrina

Doctor of Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Humanities and Social Disciplines,
Bryansk State Technical University,
241035, 7, 50 Let Oktyabrya boulevard, Bryansk, Russian Federation;
e-mail: nozdrina.natalye@mail.ru

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The article substantiates the concept of art as a fundamental tool for preserving humanity and subjectivity in the conditions of a penitentiary environment. The initial premise is the statistical regularity according to which the overwhelming majority of persons passing through the penal system return to society, which makes the issue of the qualitative characteristics of their reintegration critically significant. Based on the analysis of the institutional, social, and personal levels of the impact of artistic practices, their ability to form a special semiotic space is demonstrated, where the individual restores a sense of their own subjectivity, develops empathy and reflection, and acquires sustainable self-regulation skills. It is shown that the integration of art into the daily life of institutions helps to reduce tension, optimize administrative resources, and reduce the likelihood of recidivist behavior. Special attention is paid to the ethical correctness of the artist's presence, and a parallel is drawn with the educational sphere, where art acts as a preventive measure that prevents the alienation of the individual from society. It is concluded that art in places of detention represents a strategy that transforms the punishment system from an institution for the reproduction of recidivism into an institution for resocialization.

For citation

Novikov A.V., Nozdrina N.A., Slabkaya D.N. (2026) *Iskusstvo kak instrument sokhraneniya sub"ektnosti osuzhdennykh v usloviyakh penitentsiarnoy sistemy: sistematizatsiya zarubezhno go opyta* [Art as a Tool for Preserving the Subjectivity of Convicts in the Penitentiary System: Systematization of Foreign Experience]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 16 (2A), pp. 96-103. DOI: 10.34670/AR.2026.16.25.011

Keywords

Resocialization, penitentiary system, art in places of detention, subjectivity, social reintegration, relapse prevention, humanization, creative practices, institutional environment.

References

1. Brewster, L. (2014). *The impact of prison arts programs on inmate attitudes and behavior: A quantitative evaluation*.
2. Cox, A., & Gelsthorpe, L. (2016). Creative encounters: whatever happened to the arts in prisons? In *The arts of imprisonment* (pp. 271–290). Routledge.
3. Djurichkovic, A. (2011). *Art in prisons: A literature review of the philosophies and impacts of visual art programs for correctional populations*.
4. Elagina, A.S., & Novikov, A.V. (2025). Strategii profilaktiki suitsidal'nogo povedeniia v penitentsiarnoi sisteme [Strategies for preventing suicidal behaviour in the penitentiary system]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(9A), 92–98. <https://doi.org/10.34670/AR.2025.95.93.011>
5. Elagina, A.S., & Slabkaia, D.N. (2025). Profilaktika suitsidal'nogo povedeniia v penitentsiarnoi sisteme: integratsiia mirovoi praktiki i sovremennye paradigmy [Prevention of suicidal behaviour in the penitentiary system: integration of global practice and contemporary paradigms]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(11A), 217–224. <https://doi.org/10.34670/AR.2025.86.70.023>

6. Elagina, A.S., & Slabkaia, D.N. (2025). Sistematizatsiia psikhologicheskikh prediktorov retsidiva prestupnosti u zhenshchin [Systematisation of psychological predictors of criminal recidivism among women]. *Psikhologiiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(12A), 159–167. <https://doi.org/10.34670/AR.2026.66.63.012>
7. Elagina, A.S., & Slabkaia, D.N. (2025). Sistemnye protivorechiia okazaniia psikhologicheskoi pomoshchi v penitentsiamoi sisteme: transformatsiia podkhodov v mezhdunarodnom kontekste [Systemic contradictions in the provision of psychological assistance in the penitentiary system: transformation of approaches in the international context]. *Psikhologiiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(9A), 107–115. <https://doi.org/10.34670/AR.2025.21.62.014>
8. Elagina, A.S., & Slabkaia, D.N. (2025). Suitsid v mestakh lisheniia svobody, kak sistemnyi vyzov: faktory riska i napravleniia profilaktiki v penitentsiarnykh uchrezhdeniakh Iuzhnoi Ameriki [Suicide in places of detention as a systemic challenge: risk factors and directions for prevention in penitentiary institutions of South America]. *Psikhologiiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(10A), 185–193. <https://doi.org/10.34670/AR.2025.73.10.020>
9. Elagina, A.S., & Slabkaia, D.N. (2025). Vliianie obraza zhizni na retsidivizm prestupnosti u zhenshchin [The influence of lifestyle on criminal recidivism among women]. *Psikhologiiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(12A), 168–177. <https://doi.org/10.34670/AR.2026.93.58.013>
10. Elagina, A.S., & Slabkaia, D.N. (2025). Vliianie posledstviia psikhologicheskikh travm na kriminal'noe povedenie zhenshchin, osvobodivshchikhsia iz mest lisheniia svobody [The impact of psychological trauma consequences on criminal behaviour of women released from prison]. *Psikhologiiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(11A), 209–216. <https://doi.org/10.34670/AR.2025.58.58.022>
11. Frigon, S. (2016). When prison blossoms into art: dance in prison as an embodied critical, creative and performative criminology. In *The Poetics of Crime* (pp. 237–262). Routledge.
12. Gussak, D. (2006). Effects of art therapy with prison inmates: A follow-up study. *The Arts in Psychotherapy*, 33(3), 188–198.
13. Gussak, D. (2007). The effectiveness of art therapy in reducing depression in prison populations. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 51(4), 444–460.
14. Johnson, L.M. (2008). A Place for Art in Prison: Art as A Tool for Rehabilitation and Management. *Southwest Journal of Criminal Justice*, 5(2).
15. Littman, D.M., & Sliva, S.M. (2020). Prison Arts Program Outcomes. *Journal of Correctional Education (1974-)**, 71(3), 54–82.
16. Piotrowski, P., & Florek, S. (2015). Science of art in prison. In *Resilience and Health in a Fast-changing World* (pp. 93–106).
17. Tett, L., et al. (2012). Learning, rehabilitation and the arts in prisons: a Scottish case study. *Studies in the Education of Adults*, 44(2), 171–185.